

А-Бай, словно сошедший со старинного художественного свитка, так и остался при чайной лавке. Вместе с ним на крохотном пятачке земли сиротливо примостилось и невообразимое богатство — целых сто восемьдесят сундуков щедрого приданого. Фэн Хуашуан увёл своих подчиненных прочь, оставив на подмогу лишь преданного Жёлтого пса. Покидать пределы заведения Достопочтенному Демону мешало невидимое ограничение, а потому заботы о пропитании, вроде ловли пугливых лесных зайцев и диких фазанов, целиком легли на собачьи плечи. Каково, а?

Шэнь Хан, конечно, до последнего не верил, что этот мужчина невероятной, почти пугающей красоты — его прежний верный пёс. Сомнения рассеялись, лишь когда на макушке незнакомца дрогнули пушистые чёрные уши с забавными кисточками на самых кончиках — отличительный знак, который ни с чем нельзя было спутать, — а следом показался и пушистый, знакомый до боли хвост. Только тогда юноша окончательно поверил: это действительно его А-Бай.

— Покорно прошу молодого супруга уберечь нашего Владыку. Мы же вынуждены откланяться, — дрожащим от волнения голосом произнёс Фэн Хуашуан. Все эти долгие годы он хранил верность Достопочтенному Демону из чистого, искреннего благоговения, и теперь, узрев величие своего господина, едва сдерживал слезы облегчения. Но дела не ждали: дворец секты Сансары нельзя было надолго оставлять без присмотра, ведь именно там, сокрытое от чужих глаз, покоилось истинное, плотское тело Владыки. Спешно откланявшись, Фэн Хуашуан и его преданные слуги растворились в лесной чаще.

Поначалу Фэн Хуашуан порывался оставить вереницу прелестных служанок, дабы те ублажали взоры хозяев, но, окинув взором убогую, покосившуюся лачугу чайной, вовремя опомнился и оставил эту затею. Впрочем, забирать назад сто восемьдесят сундуков с приданным он и не думал. Алые лаковые шкатулки и сундуки всех мастей и размеров громоздились у входа, напоминая диковинную гору. Шэнь Хан с удивлением заметил, как солнечные лучи беспрепятственно пронизывают эту груду насквозь — со стороны казалось, будто сокровищ там вовсе нет.

— Это защитный барьер, сотворённый господином Фэн Хуашуаном, — угодливо зашептал вынырнувший из-за его спины Жёлтый пёс, весело повиливая хвостом. — Обычным смертным его не разглядеть, да и из заклинателей разве что старейшина на стадии Трансформации Божества или великий мастер стадии Великого Просветления сумеет пробить брешь. Можешь не сомневаться, вещи в полной безопасности!

— Молодой супруг, теперь, когда Достопочтенный Демон сочетался с вами браком, не желаете ли вы принять под своё крыло мои скромные владения и лавки?

Шэнь Хан лишь покачал головой, словно задумавшись о чём-то своём.

— Мне нужен только мой А-Бай. И этой чайной лавки вполне достаточно — она уже приносит неплохой доход. — С этими словами лицо его заметно посветлело, а голос окреп: — Я и подумать не мог, что тот удар молнии, погубивший А-Бая, на самом деле был Преодолением Скорбей. То, что он вернулся ко мне в таком обличье — величайшая милость Небес.

Намеренно или по чистой случайности, но Фэн Хуашуан обошёл вниманием прятавшуюся в лесу толпу практиков. Те разом выдохнули, чувствуя, что едва не расстались с жизнью. Поняв, что Шэнь Хан не планирует закрывать своё заведение, они вновь устремили жадные взоры на лавку: здешние яства, по своей духовной силе превосходившие редчайшие снадобья, манили их как магнит.

— Раз уж этот страшный демон убрался восвояси, почему бы нам не остаться? — подал голос Мышиноголазый. Будучи вольным бродягой-заклинателем, он ни за что не упустил бы столь редкую возможность для самосовершенствования. Если бы ему удалось выплавить Золотое Ядро, он вполне мог бы рассчитывать на покровительство какой-нибудь приличной школы.

В мире совершенствующихся, если говорить на чистоту, правит закон силы: могущество — единственный залог твоей безопасности и веса в обществе. Слабые бродячие заклинатели, лишённые защиты орденов, вынуждены довольствоваться жалкими обрывками техник. Вся их жизнь — вечный страх за собственную шкуру. Пилюли, способные возвысить культиватора над его ступенью, стоят целые состояния; порой за них требуют редчайшие духовные травы, которых у нищих бродяг отродясь не водилось. Даже ученики прославленных школ не всегда достаиваются подобных щедрот, что уж говорить о вольных скитальцах, привыкших полагаться лишь на себя. Неудивительно, что захудалая чайная у дороги стала для них единственной соломинкой, за которую стоило ухватиться мёртвой хваткой.

Старший брат Школы Обрушения Гор вместе со своими братьями, да и ученики двух других орденов, рассуждали точно так же. Набираться сил возле этой лавки оказалось куда быстрее и проще, чем пытаться выудить крупницы чистой энергии в стенах родных обителей. Конечно, у каждой школы имелись свои потаённые места с плотными потоками ци, но доступ туда открывался лишь гениям с редчайшими духовными корнями, сулившими великое будущее. Простым же последователям, пусть даже прилежным, туда ход был заказан. Тщательно взвесив все «за» и «против», молодые заклинатели пришли к тому же выводу, что и бродячие практики: нужно затаиться в лесу. Днём они станут прикидываться странствующими купцами, заглядывать на чашку чая с целебным лакомством, а после — возвращаться под сень деревьев и усердно медитировать.

А-Бай, чей взгляд, глубокий и тёмный, словно разлитая тушь, скользнул по опушке леса, затаил на мгновение лёгкое недоумение. Затем он обернулся к Шэнь Хану, который мирно возился у очага вместе с Жёлтым псом. Удовлетворённо хмыкнув, он вновь закрыл глаза, предаваясь полудрёме. Раньше, в облике обычного чёрного пса, он часами лежал в самом дальнем углу без движения, лишь изредка лениво приоткрывая веки, чтобы проверить, на месте ли юноша. Теперь же, став человеком и спрятав уши, развалиться на голой земле ему не позволяла гордость, поэтому заботливый Шэнь Хан вытащил из хижины свою скромную лежанку, уступив её новоиспечённому супругу.

Одеяние его, украшенное по подолу тончайшей вышивкой в виде плывущих облаков, мягко ниспадало вниз, а широкие, похожие на крылья бабочки рукава колыхались от малейшего дуновения ветра. Даже на этой ветхой, наспех сколоченной лежанке Цзяо Байюэ устроился с таким царственным величием, что всё убожество нищей лавки разом померкло, превратившись в едва заметный фон. Он казался средоточием незримого сияния, невольно заставляя задерживать на себе дыхание.

— Когда я только-только обрёл разум, мне довелось издалека мельком повидать Владыку, — зашептал Жёлтый пёс, усердно оттаскивая зубами очередной сундук в сторону. Вернувшись к ногам Шэнь Хана, он снова улегся и продолжил бормотать: — Он и тогда был неописуемо хорош собой. Вот только я и ведать не ведал, что у нашего Владыки в подчинении есть ещё один верный пёс... Как-нибудь при случае надо бы с ним познакомиться.

Из-за своего ничтожного уровня совершенствования Жёлтый пёс так и не заметил, как Достопочтенный Демон являл свои мохнатые уши и хвост, а потому искренне верил, будто во дворце заперта какая-то другая гончая.

С тех пор как Достопочтенный Демон решил обосноваться при лавке, сто восемьдесят сундуков с обручальными дарами в одночасье переменили участь, превратившись в самое настоящее приданое. Ну и дела! Заклинание Отвода Глаз, сотворённое Фэн Хуашуаном, не только оберегало добро от грабителей, но и хранило его в первозданной свежести — вещь в хозяйстве невероятно полезная. Шэнь Хан вместе с Жёлтым псом с трудом вытащили один из тяжелых ларей и приоткрыли крышку, надеясь отыскать что-нибудь подходящее для кулинарных нужд.

Под началом Фэн Хуашуана находилась едва ли не половина всех богатств Достопочтенного Демона, а сокровищницы в его пещерах ломились от диковинных артефактов. Составляя свадебный список, он подошёл к делу с умом: дары должны были приносить пользу простому смертному, но при этом выглядеть достойно великого имени его господина. Едва Шэнь Хан заглянул внутрь, как тут же просиял — сундук доверху заполнял белоснежный, отборный рис.

— О, это же духовный рис из закромов секты Сансары! — Жёлтый пёс оживленно зашевелил ушами и закрутился на месте, вовсю виляя хвостом. — На обычных рынках такого днём с огнём не сыщешь. Смертным он дарует долгие годы жизни и недюжинное здоровье. Растёт он легко, живучий чрезвычайно, да только земли ему подавай особенные, напоенные густой духовной силой. Зато в нём почти нет вредных примесей, оттого ученики великих орденов частенько выбирают его своей основной пищей. Ума не приложу, как Фэн Хуашуан сумел раздобыть целую гору такого сокровища! Послушай, мы ведь только вчера засеяли ту делянку пшеницей, а она уже за ночь дала крепкие всходы. Думаю, наш задний дворик прямо-таки создан для духовного риса. Не хочешь попробовать вырастить парочку снопов?

Пёс лишь высказал шальную догадку, но Шэнь Хан отнёсся к ней со всей серьезностью. Он зачерпнул горсть духовного риса, разглядывая гладкие зёрна. Те и впрямь разительно отличались от того зерна, что продавали в лавках Тэнчжоу. Почему бы действительно не попробовать? Попытка не потребует много семян, да и трудов немного: взрыхлить землю, провести неглубокие бороздки, бросить зёрна да присыпать рыхлой землей.

Отсыпав щедрую горсть духовного риса, Шэнь Хан тщательно промыл зёрна и поставил томиться на пару. Наказав Жёлтому псу неотлучно следить за очагом и подбрасывать сухие ветки, юноша подошёл к лежанке, нежно коснулся шелковистых волос дремлющего А-Бая и, закинув на плечо мотыгу, зашагал на задний двор, обнесённый невысоким плетнем.

Дерево боярышника за прошедшие дни заметно раздалось ввысь и вширь. Ветви егогнулись под тяжестью спелых, наливных багряных ягод, однако те, вопреки законам природы, прочно

держались на плодоножках и не думали осыпаться. Дикие хризантемы тоже разрослись пышным ковром; Шэнь Хан срезал охапку ароматных бутонов для просушки, намереваясь добавлять их в чай, и несказанно удивился, когда наутро на месте срезов пробились свежие, зеленые побеги. Было очевидно, что цветы и не думают увядать. Лишь чайный куст по-прежнему пребывал в благодном покое, и юноша наведывался к нему лишь изредка, дабы не тревожить понапрасну.

Клочок земли за плетнем был совсем крошечным. Часть его уже занимали весело зеленеющие всходы пшеницы, оставшуюся же целину Шэнь Хан усердно перекопал и засеял зёрнами духовного риса. По-хорошему, обычный рис сажают в шелухе, неочищенным, иначе он попросту сгниёт в земле. Но раз уж Жёлтый пёс уверял, будто духовный рис обладает поистине несокрушимой жизненной силой и прорастёт даже в таком виде, Шэнь Хан решил довериться его собачьему чутью.

Тем временем у затаившихся в лесной чаще заклинателей едва глаза на лоб не полезли от изумления. Они никак не ожидали, что юный хозяин лавки и его Жёлтый пёс, ненадолго скрывшись из виду, вернутся с целым ларем драгоценного духовного риса. Хоть эта культура и слыла неприхотливой, для её созревания требовались поистине гигантские объёмы духовной энергии, сотворить которые под силу лишь великим орденам. Крошечные школы вроде Школы Небесного Моря или Школы Обрушения Гор и мечтать не могли о собственных рисовых полях — у них просто не было подходящих духовных жил. И теперь, глядя на россыпь сияющих круп, источающих чистейшую ци, бедные практики почувствовали, как у них пересохло в горле от зависти.

Ученики Школы Тёмных Воронов, коих остальные заклинатели сторонились за приверженность тёмному пути, тоже оживились. Демонические практики этой школы никогда не утруждали себя возделыванием полей — кодекс их ордена гласил, что куда проще и приятнее забрать чужое силой.

— А что, если нам притвориться голодранцами и выпросить немного еды? — Мышиноглазый воровато огляделся по сторонам, прикидывая в уме выгоду. Если высокомерные чистоплюи из праведных сект побоятся замарать свою честь подобным попрошайничеством, он лично пойдёт и испытает судьбу. Когда на кону стоит прорыв к новым вершинам силы, глупая гордость не стоит и ломаного гроша.

— Идёт, — согласно кивнул Старший брат Школы Обрушения Гор. В сложившихся обстоятельствах этот бесхитростный план казался единственно верным. Не в силах более противиться искушению отведать диковинного риса, он первым поднялся на ноги.

Но не успел он сделать и шага, как один из тёмных заклинателей резко выхватил из-за пазухи Знамя призыва душ и швырнул его оземь. Тотчас в лазурное небо с жутким карканьем взмыла туча призрачных воронов. Эти твари не имели плоти, их невозможно было поразить обычным оружием или заклятием, зато они могли без труда терзать души живых людей. Испуганные праведные заклинатели мгновенно сбились в кучу. Старший брат Школы Обрушения Гор оказался на самом краю круга; его лицо сделалось бледным, как полотно, пока над головой кружили призрачные вестники смерти. Черных птиц в этих краях звали воронами скорби — встреча с ними сулила страшные несчастья и скорую гибель.

— Мы, последователи праведного пути, не чинили вашей Школе Темных Воронов никаких обид! — гневно выкрикнул он, с трудом сдерживая дрожь. — К чему эта подлая засада?

Для тех, кто ступил на путь бессмертия и отринул оковы мирской суеты, Судьбоносная удача значила куда больше, чем для простых смертных. Стоило призрачному крылу ворона скорби коснуться души практика, как его благословение Небес тут же рассеивалось без следа. Неудивительно, что появление этих тварей заставило праведников сжаться от ужаса.

— Не держи меня за дурака! — издевательски расхохотался предводитель тёмных заклинателей, стоящий поодаль. — Вы, чистоплюи из праведных сект, спите и видите, как бы извести нашу школу под корень. Просто сейчас у вас кишка тонка выступить открыто! Так почему бы мне не нанести удар первым, а?

Остальные тёмные последователи дружно подхватили его издевательский хохот. Подслушав разговор Старшего брата и Мышиноголазого, они решили не терять времени даром. Выскочив из чащи, демонические заклинатели наложили на себя Технику Отвода Глаз и в одно мгновение превратились в измождённых, оборванных бродяг. Припадая на обе ноги, они торопливо заковыляли в сторону безмятежного чайного прилавка.

А-Бай, словно ни в чём не бывало, грациозно соскользнул со своей лежанки, сладко потянулся и устроился подле Шэнь Хана. Несмотря на то что сейчас он пребывал в облике статного юноши, каждое его движение выдавало величие Владыки Демонов.

— Шэнь Хан, чем ты порадуешь меня сегодня? — раздался его чистый, холодный, словно горный ручей, голос.

Услышав, как Достопочтенный Демон заговорил на человеческом наречии, Жёлтый пёс от испуга вздыбил шерсть на хвосте, отпрянул в сторону и принялся неистово трясти головой, заливаясь лаем:

— Гав! Гав-гав!..

— Когда духовный рис хорошенько пропарится, я растолку его в ступке, раскатаю тонкими лепешками и обжарю в кипящем масле до хрустящей корочки, а после — щедро сдобрю сладкой боярышниковой пастилой, — ласково ответил Шэнь Хан. Юноша протянул руку и мягко погладил возлюбленного по голове, перебирая пальцами невероятно мягкие, шелковистые пряди его волос. — Тебе понравится такое угощение, А-Бай?

— Раз это приготовлено твоими руками, я съем всё до последней крошки, — величественно отозвался Цзяо Байюэ. Однако, прислушавшись к собственным словам, он нахмурился, сочтя тон чересчур напыщенным, и тут же поправился по-простому: — Очень понравится, гав!